

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Зенеиды Р-вой

Виссарион Белинский
Сочинения Зенеиды Р-вой

«Public Domain»

1843

Белинский В. Г.

Сочинения Зенеиды Р-вой / В. Г. Белинский — «Public Domain»,
1843

Для Белинского творчество Ган интересно прежде всего как выражение художественной одаренности женщины. В краткой рецензии, предшествующей его большой статье о Ган, он писал: «Между русскими писательницами нет ни одной, которая достигла бы такой высоты творчества и идеи и которая в то же время до такой степени отразила бы, в своих сочинениях, все недостатки, свойственные русским женщинам-писательницам».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	8
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский

Сочинения Зенеиды Р-вой

Санкт-Петербург. 1843. Четыре части.

В России женщины мало пишут. Впрочем, этому нечего удивляться: в России и мужчины почти совсем не пишут. Смотри с этой точки зрения, вы увидите, что у нас женщины пишут именно не больше и не меньше того, сколько могут они писать. Звание писательницы пока еще контрабанда не у одних нас. Лживый взгляд на женщину осуждает ее на молчание. Этот взгляд, запрещающий женщине выходить из заколдованного круга простых светских отношений, не есть принадлежность собственно русского общества: он равно принадлежит и просвещенному Западу Европы. Правда, там, как и у нас, женщина давно уже приобрела право говорить печатно, – но как и о чем говорить? вот вопрос, подробное решение которого завело бы нас далеко-далеко... в самую Азию. Никакая пишущая женщина в Европе не избегнет пошлых намеков и названия *синего чулка*^[1], каков бы ни был ее талант, равно всеми признанный. Никто там не оспаривает у женщины права высказываться печатно и возможности быть одаренною даже великим творческим талантом; никого не оскорбляет и не соблазняет зрелище пишущей женщины; но в то же время едва ли кто упустит случай, говоря о пишущей женщине, посмеяться над ограниченностию женского ума, более будто бы приноровленного для кухни, детской, шитья и вязанья, чем для мысли и творчества. Это уже такая привычка у мужчин: если они давно перестали бить женщин, то еще не отстали от привычки грозить им кулаком или дразнить языком, в ознаменование права своей силы. Привычка – вторая натура, и потому отстать от нее трудно. Для женщины-писательницы – это первое, и притом еще самое меньшее зло. Хуже всего, что она осуждена общественным мнением на самые невинные литературные занятия, именно – вечно повторять старые обветшалые истины, которым не верят даже и дети, но которые тем не менее считаются почтенными. Нельзя употребить большего насилия над женщиною, нельзя оказать ей большего презрения! Конечно, ей не воспрещается законом быть оригинальною и глубокою в своих мыслях, могущественною и великою в творчестве, – по крайней мере настолько, насколько не воспрещается это законом мужчине; но если закон оставит женщину в покое, тогда против нее действует общественное мнение. Тысячеглавое чудовище объявляет ее безнравственною и беспутною, грязнит ее благороднейшие чувства, чистейшие помыслы и стремления, возвышеннейшие мысли, – грязнит их грязью своих комментариев; объявляет ее безобразною кометою, чудовищным явлением, самовольно вырвавшимся из сферы своего пола, из круга своих обязанностей, чтоб упоить свои разнузданные страсти и наслаждаться шумною и позорною известностью. Не правда ли, что это возмутительно несправедливо?.. А вот вам и смешное: то же самое общество не читает женщин, пишущих в духе его же собственной морали, и обходит их самым презрительным невниманием, потому что оно само не верит своей морали и смеется над нею. Впрочем, оно противоречит таким образом самому себе не в отношении к одним только женщинам. Возьмем, например, современное французское общество. Представители его – набитые золотом мешки, *приобретатели*, люди поклоняющиеся золотому тельцу. Кого читает это общество? – писателей в духе чуждой ему морали. Это общество недавно восхищалось двумя романами Эжена Сю «Mathilde»¹ и «Mysteres de Paris»², а эти романы не что иное, как страшный донос на это общество^[2]. Это же общество не хочет уже читать какого-нибудь мосье *де-Бальзака*, до сих пор верною моральному принципу выскочившего в люди богатого мещанства; оно смеется над

¹ «Матильда» (фр.). – Ред.

² «Парижские тайны» (фр.). – Ред.

ним, презирает его и вместо его читает Жорж Занд, в котором имело бы право видеть своего обвинителя, изобличителя и нравственную кару^[3]. После этого извольте угождать обществу и сообразоваться с его моралью! Все явления действительности внутри себя самих заключают всю необходимость: вот отчего люди толкуют свое, а действительность идет своею дорогою, не спрашиваясь у людей, но заставляя людей спрашиваться у нее. Привычка мало-помалу делает людей равнодушными к явлению, которое вначале поразило их, и со временем они начинают не только считать это явление естественным, но даже и приносить ему дань удивления и восторженных похвал. Таково теперь во Франции положение Жоржа Занда как писательницы; но не таково было ее положение назад тому несколько лет. И что же? – явись другая писательница с таким же гением, – и на нее сперва польется обильный дождь клевет, браней, оскорблений, лжей, – и все это во имя будто бы оскорбленной ею морали, и при всем этом будут раскупать ее сочинения и твердить их наизусть; а потом клеветы, лжи и брани умолкнут, сменившись на восторг и удивление... А в то же время сколько женщин-писательниц в духе общественной морали, пичкающих свои сочинения пошлыми сентенциями, пройдут незамеченные, не удостоенные ничьего внимания!..

Сказанное нами не может иметь применения к русской литературе. У нас литература имеет совсем другое значение, чем в старой Европе. Там она – выражение мысли, служащей источником жизни для общества в каждую эпоху его исторического развития. У нас литература – приятное и полезное, невинное и благородное препровождение времени, и для писателя и для читателя. Исключения из этого правила так редки, что не стоит упоминать о них. Наши писатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше обыкновенных изобретателей и приобретателей; наши читатели (и то далеко не все) только одною ступенью выше людей, которые в преферансе и сплетнях видят самое естественное препровождение времени. Оттого у нас все писатели, и хорошие и худые, равно читаются и почитаются, равно имеют ограниченный круг нравственного влияния и равно скоро забываются. Исключение остается только за писателями, которые уж слишком по плечу обществу и слишком хорошо угодили его вкусу, удовлетворили его потребностям: таковы, например, гг. Марлинский и Бенедиктов, которых и теперь еще очень любят даже в столицах, а в провинции знают наизусть. Поэтому женщина у нас смело может пускаться в писательство: если она не всегда может надеяться стать слишком высоко, зато никогда не должна бояться затеряться в задних рядах писак. Это тем вернее, что женщины, которые когда-либо пускались на Руси в авторство, всегда обладали известною степенью образованности, знанием хоть французского языка; при этом им немало служит и врожденный женской натуре такт приличия и здравого смысла; тогда как несравненно большая часть пишущих в России мужчин попали в писатели нечаянно и без всякого приготовления, а потому и не знают даже первых оснований грамматики своего родного языка, да и принадлежат еще к такому кругу понятий, из которого совсем не следовало бы показываться в печати. В доказательство справедливости наших слов указываем на длинную вереницу сочинителей вроде гг. Милькеева, Славина, Кузьмичева, Зотова, Воскресенского, Классена, Сигова, Антипы Огородника, Тимофеева, Зражевской, Бурачка, Мартынова, Кропоткина, Скосырева, Жданова, Шелехова, Куражковского, Ильина и многих иных, которых перечесть не достанет ни терпения, ни времени, ни места в статье. Скажут: бездарные люди всегда заваливали литературу мусором своих сочинений. Правда, и прежде – в доброе *классическое* время нашей литературы, бездарных писак, так же как и теперь, было больше, чем даровитых писателей; но тогда не было между пишущим народом людей безграмотных; тогда все старались писать в тоне порядочного общества, и не воспевали в стихах *российского сиволдая*^[4] и *кабаков* (как это недавно сделал г. Милькеев), и не восхищались тем, что Ломоносов был подвержен несчастной страсти невоздержания, от которой и погиб рано. В прежние времена пришли бы в ужас от такого *романтизма*. Но в наше время так называемый *романтизм* освободил писак от здравого смысла, вкуса, грамматики, логики, порядочного тона, даже опрятности и чистоплотности, – и

все эти господа-сочинители стали выезжать в своих романтически-народных произведениях на разбитых носгах, фонарях под глазами, зипунах, лаптях, мужицких речах и поговорках, кабаках и харчевнях. И все это ими представляется и описывается без всякого юмора, без всякой сатирической цели, но с добродушным и добросовестным восторгом и удивлением к своим неопытным вымыслам: ссылаемся опять на того же г. Милькеева, который, вдохновившись сивухой, воспел ее в дифирамбе без всякой иронии, важным, торжественным и патетическим тоном^[5].

К чести русских женщин-писательниц надобно сказать, что между ними примеры подобного романтизма, или безграмотности, составляют исключения из общего правила, – исключения, которые остаются за немногими, теми, которые, соблазнившись некоторыми журналами, пустились *гугорить* в них народную (то есть огородническую) речью...^[6] Все другие, обладая большим или меньшим талантом, все-таки отличаются большею или меньшею грамотностью, уважением к приличию и отвращением к площадной и харчевенной народности. Между тем в их последовательном явлении одна за другою есть нечто вроде прогресса, – и Анна Бунина и Зенеида Р-ва представляют две совершенные противоположности, не по одному таланту, но и по направлению и духу их произведений. Здесь мы считаем кстати сделать короткое обозрение литературной деятельности русских женщин. В каталоге Смирдина^[7] мы встречаем имена следующих женщин, занимавшихся переводами с иностранных языков на русский: Марья Сушкова (перевела «Инки» Мармонтеля в 1778 году), Марья Орлова (1788), Катерина и Анна Волконские (1792), Корсакова (1792), Нилова (1793), Баскакова (1796), Марья Базилевичева (1799), Марья Иваненко (1800), Лихарева (1801), Настасья Плещеева (1808), Марья Фрейтах (1810), Катерина де ла Мар (1815), Татищева (1818), Беклемишева (1819), Бровина (1820), Вишлинская, А. и Катерина Воейковы, Анна и Пелагея Вельяшевы-Волынцовы, Вера и Надежда Кусовниковы, Настасья Гагина, Катерина Меньшикова, А. Мухина^[8]. Из этого списка видно, что наши дамы рано приняли участие в отечественной литературе. В 1789 году были изданы «Лучшие часы жизни моей» Марьи Поспеловой^[9]; а в 1801 г. ее же «Черты природы и истины, или Оттенки мыслей и чувств моих»,. Еще ранее, именно в 1774 г. (стало быть, *шестьдесят девять*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Выражение «синий чулок» возникло в Англии в конце XVIII века и особенно распространилось после того, как Байрон использовал его в своей сатире «The Blues» (1820) – «Синие». Белинский выделяет выражение курсивом, вероятно, потому, что в России к тому времени оно лишь начинало становиться известным.

2.

Роману «Матильда» (1841, русский пер. 1846) посвящена рецензия Белинского 1847 г. (см.: Белинский, АН СССР., т. . . X, с. 102), «Парижским тайнам» (1842–1843, русский пер. 1844) – специальная большая статья (1844; см. наст. изд., т. 7).

3.

См. примеч. 9 и 10 к статье «Речь о критике».

4.

Сиволдай (сивалдай) – неуклюжий, грубый человек; забулдыга.

5.

См. рецензию на «Стихотворения Милькесва» (наст. т., с. 468), где Белинский говорит об этом же.

6.

Речь идет об А. В. Зражевской и журнале «Маяк», в котором она сотрудничала.

7.

«Каталог Смирдина» — «Роспись российским книгам для чтения, из библиотеки Александра Смирдина, систематическим порядком расположенная. В четырех частях, с приложением азбучной росписи имен сочинителей и переводчиков и краткой росписи книгам по азбучному порядку». СПб., тип. А. Смирдина, 1828. Первое прибавление к Росписи... СПб., 1829. Второе прибавление... СПб., 1832. Кроме «Росписи...», Белинский, вероятно, использовал «Библиографический каталог российским писательницам», составленный С. В. Руссовым. СПб., 1826.

8.

Полное название перевода М. В. Сушковой «Инки, или Разрушение перуанской империи, сочинение Мармонтеля», ч. I–II. М., 1778. В скобках Белинский всюду указывает год перевода писательницей того или иного произведения. Например: Н. И. Плещеева перевела с французского «Училище бедных, работников, слуг, ремесленников и всех нижнего класса людей, сочинение г-жи Ле-Препс де Бомонт», ч. I–II. М., 1808; А. Воейковой принадлежит перевод «Опыта о вкусе в произведениях природы и художеств, или Рассуждение о причинах удовольствий, которые возбуждают в нас произведения разума и изящные искусства, из сочинений г. Монтескье». СПб., 1805; А. В. Мухина перевела «Новые семейственные картины, или Жизнь бедного священника одной немецкой деревни и его детей, сочинение Августа Лафонтена», ч. I–V. М., 1805–1806.

9.

Названное сочинение М. А. Пospelовой вышло не в 1789, а в 1798 г. во Владимире.